

УДК 398.32 (479.225)
ББК 82.3

**МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ОСЕТИНСКИХ ЛЕГЕНД, ПРЕДАНИЙ
И УСТНЫХ РАССКАЗОВ О СВАТИЛИЩЕ БУРСАМДЗЕЛИ**

Д. В. Сокаева

В настоящей статье рассматриваются легенды, предания и устные рассказы о святилище Бурсамдзели (Южная Осетия), которое находится на одноименной горе. Оно является наиболее почитаемым осетинским святилищем, где молебны проводились четырежды в год.

Устные рассказы о святилищах Северной Осетии собираются нами уже около двадцати лет. Большая часть этих фольклорных материалов хранится в архиве в виде кассет и расшифровок записей. Часть текстов о святилищах, где рассказывается об отношении к ним, о таинственных явлениях и событиях, связанных с ними, об атрибутике и т. д., уже введена нами в научный оборот [Информационный бюллетень 1; Информационный бюллетень 3]. Часть устных рассказов о святилищах Северной Осетии находится в архиве и пока не изучена [НА СОИГСИ]. Актуальность данного исследования возрастает в связи с тем, что современная гуманитарная наука еще не дала определенного ответа на вопрос о характере традиционной религии осетин.

Нами будут описаны все варианты мифологических текстов о Бурсамдзели, условно называемых «текст об ангеле/духе святилища Бурсамдзели». А. Х. Бязыров отнес цикл о Бурсамдзели в раздел «Легендарные сказки» сказочного указателя АА под номерами 151, 152, 153 и 781 [Бязыров 1960]. Мы же считаем, что тексты на данный сюжет содержат интригу волшебной сказки, а именно — мотив открывания запретного сундука.

Основной метод, примененный нами при рассмотрении текстов, — сравнительно-исторический. В качестве дополнительного избран метод структурного анализа текста, в рамках которого текст обязательно членится на смысловые блоки. Системно изучая несказочную прозу, мы

предложили определение сквозных (проходящих через весь осетинский фольклор) сюжетов, мотивов, образов и определение функциональной, семантической и структурной роли обозначенных элементов при их погружении в фольклорный, обрядовый и другие контексты духовной жизни осетин. Значительным подспорьем в изучении выбранной нами темы является детально исследованная система жанров русского фольклора и фольклора других народов. Фактор национальной реализации международных сюжетов фольклора нельзя недооценивать, поэтому результаты наших исследований, проведенных на материале несказочной прозы других народов, могут помочь как в аспекте методологии, так и в аспекте выяснения семантики мифологического компонента.

Сюжет о святилище Бурсамдзели и его ангеле — сложный и многоплановый, поэтому в данной статье мы сосредоточились на его мифологической составляющей. Можно сказать, что рассматриваемые нами тексты решены в терриоморфном ключе, поскольку главный герой повествования, «низкий герой» выступает в них в образе лягушонка.

Превращение в лягушку и обратно — распространенный мотив мирового фольклора. В осетинском фольклоре он функционирует в волшебной сказке. Образ лягушки, наделенной мистическими свойствами, — яркий образ осетинских заговоров от сглаза. Кроме того, в нашем случае — это не превращение в лягушку, а превращение лягушонка в человека через произнесение магического слова или совершение магического действия (пролитие слезы). Нами и другими исследователями этот образ рассматривался неоднократно, поэтому, не останавливаясь на уже известных интерпретациях, обозначим свою задачу следующим образом: мотив снятия проклятия является

структурообразующим в сюжете о превращении лягушонка в человека, а человека в ангела.

Мифологическая линия сюжета в некоторых текстах дополнена исторической: лягушонок — внебрачный сын царицы Тамары, но данная связь выстраивается косвенно: Бурсамдзели — сын какой-то женщины [НА СОИГСИ. Ф. Ф. П. 152. Д. 407. Л. 108–109 (исп. Демеев Х., 1933 г. р., слышал от отца Петре из ущ. Рук из с. Демеевых. Зап. Козырева Т., 26.07.1968 г.)], Бурсамдзели — муж царицы Тамары [ХИАУ: 135–136 (исп. Джиккаев Д., (с. Дзомаг). Зап. Плиев Х. в 1930 г.) Б-2, с. 40–41; ХИФ: 458–459; РФ ГПБ: Ф. 20. Д. 125. Л. 263–265. Д. Гатуев. Осетинские сказки. Пер. Ф. Гатуевой]; сын царицы Тамары — лягушонок [ХИФ: 278–279 исп. Багаев У., туал. д.)].

Если обобщить различные вариации исследуемого сюжета, то по одной из двух версий получается, что Бурсамдзели является незаконнорожденным сыном царицы Тамары, и тогда мы имеем дело с оригинальной разработкой мифа о святом святилища Бурсамдзели, начальной «точкой роста» которого был образ лягушонка. Случайный гость, возможно, небожитель в виде случайного гостя, который попадает в дом «жителей Верхних равнин», разворачивает действие в пользу незаконнорожденного ребенка царицы Тамары, да и инерция повествования упорно тяготеет к жанру этиологического предания — объяснения появления святого места, святилища Бурсамдзели. Связь образа Тамары с космическими и атмосферными явлениями (утренняя звезда Бонварнон, снегопад) подтверждает ее высокий статус исторической личности, который в несказочной прозе объясняется тем, что она — жена Бурсамдзели. Кстати, она сама «низвергает» своего ребенка и приказывает слугам убить его. Соответствие этому низвергнутому состоянию — вид лягушонка.

Кроме образа лягушонка и мифологичности образа Тамары, фольклорные тексты о Бурсамдзели несут на себе печать собственно текстов о святилищах. Пространство в таких текстах строго иерархизировано: *«Сказка о Бурсамдзели*. В давние времена наши предки называли нашу горную местность «Верхние равнины». И жители этой местности были выше (ростом. — Д. С.)¹. Наши предки застали здесь места, где рос

виноград. Один мужчина пошел на охоту, с утра до вечера он охотился, и когда ничего не нашел, а вечер уже наступил, он заночевал у живущего в горах мужчины. Он зашел во двор и сел у двери дома. Из дома к нему вышла какая-то женщина. Она поздоровалась с ним, пригласила его в дом. Мужчина согласился. Муж женщины был в далеком путешествии. Хозяйка начала готовить пищу. В это время за женщиной все прыгал лягушонок. Гость с большим удивлением смотрел на лягушонка. Когда пироги были уже готовы, женщина положила их на круглый трехногий стол. Налила в рог араку и предложила ее гостю.

Гость отказался, мол, прости меня, уважаемая хозяйка, но, мол, пока ты не скажешь мне, что это такое, я не буду есть — целый день я наблюдаю за тобой: лягушонок прыгает за тобой.

Женщина ему отвечает:

– Прости меня, наш уважаемый гость, но коль наш разговор коснулся этого, расскажу. Он родился из моего чрева, а человеку дорого то, что его крови.

Гость спрашивает ее:

– Кто он: мужчина или женщина?

Хозяйка отвечает:

– Наш уважаемый гость, я не буду от тебя скрывать: все его повадки — мужские повадки.

Гость говорит:

– Как же ты позволила себе пнуть мужчину ногой. Нельзя есть пищу, приготовленную тобой!

В этот же миг лягушонок лопнул, и выпрыгнул юноша с золотой прядью, кругом стало светло, как будто на мать взглянуло полуденное солнце. Тем временем и отец вернулся из путешествия. Жена рассказала ему обо всем, они устроили пир. Гость обрадовался юноше, пожелал ему всего хорошего, выпив рог араки, дал ему имя — Бурсамдзели, и сказал ему, мол, с сегодняшнего дня ты — ангел, и будь с ангелами. С тех пор эти горы называют Бурсамдзели, и молятся ему (юноше) как ангелу. Праздник в его честь устраивается 16 июля» [НА СОИГСИ. Ф.Ф. П. 152. Д. 407. Л. 108–109 (исп. Демеев Х., 1933 г. р., слышал от отца Петре из ущ. Рук из с. Демеевых, зап. Козырева Т. от 26.07.1968 г.)].

В приведенном тексте пространство с самого начала повествования членится по вертикали на две зоны: среднюю (горная местность «Верхние равнины») и мест-

¹ Здесь и далее – пояснения в скобках автора.

ность, откуда пришел охотник (нижняя часть пространства). Верхняя часть пространства достраивается по ходу повествования: когда Бурсамдзели становится ангелом, то место, где он пребывает с этого момента, и является верхней и сакральной частью пространства. Кроме того, как уже отмечалось выше, в этом тексте не сказано, что мать Бурсамдзели — Тамара. Родители Бурсамдзели анонимны, на первый план выходят сказочные мотивы снятия проклятия и «золотой пряди».

Приведем текст, в котором главный герой является мужем царицы Тамары: **«Бурсамдзели»**. Царица Тамара была женой Бурсамдзели. Бурсамдзели был ангелом и жил на вершине горы. Эту гору и назвали Бурсамдзели. На вершине у него была большая поляна. Доски были гнилые у его разрушенного дома. Поляна была завалена пометом всякой дичи. В те времена снег не выпадал, [потому что — Д. С.] Утренняя Звезда была поймана Бурсамдзели и заперта в сундук. Конские табуны Бурсамдзели паслись в Имеретии [область в Грузии — Д. С.]. Как-то Бурсамдзели решил проведать лошадей. Когда уезжал, он дал жене своей ключи и предупредил ее, чтоб она не открывала сундука: иначе, мол, погубишь меня, предупредил он. Отправился Бурсамдзели смотреть лошадей, по пути остановился в одном доме, и хозяйка приготовила завтрак. Ребенок ее выбежал во двор без штанов и тотчас забежал обратно.

Говорит:

— Нана, с неба что-то белое падает, и ноги-руки мерзнут.

Бурсамдзели понял, наверно, жена Звезду выпустила. Вскочил, отодвинул фынг, сел на лошадь и вернулся обратно. Когда он доехал до Сгума, снег уже достигал колена лошади, и это место Бурсамдзели назвал «Сгума», от «сгу» — бедренная кость. Когда до другого села доехал, снег уже достигал живота лошади, и Бурсамдзели назвал это место «Они-Калак», от «он» — лопатка, «калак» — город. Когда в Кударо приехал, лошадь его околела, и Бурсамдзели назвал это место «Кудар».

Он рассердился на Бога и вошел под землю, говоря: «Моя земля навеки ледяной стала».

У Тамары были слуги. Когда они бросали постели на солнечные лучи, то постели на землю не падали. Один из слуг заставил Тамару согрешить с ним; Тамара и жена

слуги родили по мальчику. Утром опять бросили постели на солнечные лучи, и постели упали на землю.

Наутро она спрашивает:

— Кто меня так опозорил?

И потом говорит слуге, который ошибся с нею:

— Если принесешь мне то, что видно на вершине Цхета, будешь годен мне в мужья. Нет — загублю.

Когда слуга дошел до вершины Цхета, Тамара взмолилась:

— Бог, сделай так, чтобы взбушевалась вода и унесла его.

Посмотрела Тамара, и вода низверглась вниз. Затем говорит:

— Не показывайте мне моего мальчика. Унесите его и бросьте в воду.

Прошло время. Ребенок слуги уже весело играл на дворе. Тамара позавидовала, увидев его, и сказала:

— Теперь мой мальчик таким же был бы. Что случилось со мной тогда, как ни с кем. Первое: выпустила Утреннюю Звезду, и на землю лавина (снега) сошла. Второе: своего погубила, похожего на Бурсамдзели [слугу — Д. С.]. Третье: погубила своего мальчика, которого в своем животе выносила.

А слуги ей говорят,

— Если ничего не сделаешь с нами, то дадим тебе увидеть его.

Тамара обрадовалась своему сыну — приняла его в объятия.

Мальчик сказал:

— Ой, нана (осетин. „мама“), здесь теплее.

С тех пор осталось: «Объятия матери слаще всего» [ХИАУ. Кн. 3: 135–136 (исп. Джиккаев Д., с. Дзомаг, зап. Плиев Х., 1930 г.; 40–41); ХИФ: 458–459; РФГПБ. Ф 20. Д. 125: Л. 263–265. Д. Гатуев. Осетинские сказки].

Приведенный текст имеет другие акценты. Тамара разделяет с Бурсамдзели (пусть на какое-то время) власть над атмосферными явлениями, и весь текст выстраивается согласно схеме: Звезда в сундуке — открытие сундука, Звезда вылетает — идет снег, принимающий характер стихийного бедствия и вселенской катастрофы. Этот текст более социализирован, в бытовых подробностях изображен грех Тамары. Морализаторский характер отражен в описаниях греха и отношения матери к своему ребенку.

По текстам о святилищах Северной Осетии нами выявлены особенности образности, которая в них используется. Устные рассказы о святилищах Южной Осетии отличаются по образности от фольклорного материала такого же рода, зафиксированного в Северной Осетии. Таким оригинальным образом является лягушонок, который от пролития на него слезы превращается в златокудрого юношу, а юноша, в свою очередь, становится святым святилища Бурсамдзели. В совокупности мотивов корпус легенд, преданий и устных рассказов о Бурсамдзели представляет собой переплетение топонимического, метеорологического и терриоморфного мифов.

Источники

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований [НА СОИГСИ].

Литература

Бязыров А. Х. Опыт классификации осетинских народных сказок по системе Аарне-Андреева // Известия Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. Вып. X. Сталанир, 1960. С. 94–112.

Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с.

Информационный бюллетень отдела фольклора СОИГСИ (Устные рассказы о святилищах Осетии). Сост. и авт. пер. Д. Сокаева. № 1. 2005, сентябрь. Владикавказ: СОИГСИ, 2005. 42 с.

Информационный бюллетень отдела фольклора СОИГСИ (Образ чудесной бусины в осетинском фольклоре). Сост. и авт. пер. Д. Сокаева. № 3, 2007, февраль. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 30 с.

[РФ ГПБ] – *Рукописный фонд* Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Гатуев Д. Осетинские сказки. РФ ГПБ. Ф. 20. Д. 125. Л. 263–265.

[ХИАУ] – *Хуссар Ирыстон*ы адамон уацмыста. Т. 3. Сказки, пословицы и др. Предисл. и примеч. А. Тибилова. Цхинвал: Изд-во «Хурзарин», 1931. (Народное творчество Осетии).

[ХИФ] – *Хуссар Ирыстон*ы фольклор. Второе доп. изд. Предисл. и коммент. А. Тибилова, Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1936. (Фольклор Юго-Осетии).